М.С. Саликов, С.Э. Либанова, И.Ю. Остапович

КОНСТИТУЦИОННО-КОНТРОЛЬНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ ЖИВОЙ КОНСТИТУЦИИ

Раскрывается особенность реализации доктрины живой конституции в Российской Федерации посредством конституционно-контрольного нормотворчества. В результате анализа авторами сделаны выводы о достоинствах и недостатках конституционно-контрольного нормотворчества, его влияния не только на развитие права и правоприменение, но и на формирование гражданского общества.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; живая конституция; толкование конституции; гражданское общество.

Живая конституция. Любая конституция не может не развиваться. Если она не фиктивна, а реальна, то она не может не рефлексировать действительность. Последняя же отнюдь не статична. Однако при рассмотрении сути и порядка изменения текста конституций в доктрине кроме поправок и пересмотра используются разные термины, в частности: модификация, превращение, трансформация, замещение, модернизация, реформирование, преобразование, развитие и др. [1. С. 223–235]. Каждый из названных терминов оттеняет тот или иной аспект изменения Основного закона. В то же время, как нам представляется, все эти процессы как текстуального, так и нетекстуального изменения укладываются в привычный, традиционный институт – развитие Конституции. Причем следует отдавать себе отчет в том, что развитие может быть позитивным или прогрессивным (расширение перечня конституционных прав и свобод граждан, субъектов федерации, введение новых или совершенствование существующих механизмов защиты прав человека и т.д.), нейтральным (изменение срока пребывания в должности главы государства или срока полномочий парламента и др.) и негативным или регрессивным (отмена выборов отдельных должностных лиц, отмена норм, ограничивающих количество сроков пребывания в должности главы государства, установление неоправданных ограничений или условий реализации прав граждан и др.). Следовательно, вопрос не в том, может и должна ли развиваться Конституция, а в том, каким образом, какими путями и в каких формах она развивается.

Конституционный текст (юридическая конституция) – довольно консервативная субстанция, он имеет свойство отставать от актуальных общественных отношений (фактической конституции). В этой связи по большому счету имеется два способа его адаптации к современным реалиям – внесение соответствующих поправок, что не всегда возможно сделать в оперативном режиме (причины могут быть самые разные, в том числе политического характера), либо применение института толкования Основного закона посредством уполномоченного органа. В зависимости от применяемой в том или ином государстве модели конституционного контроля это может быть как общий, так и конституционный суд (или квазисудебный орган). Данный орган в своей деятельности может опираться как на традиционные или консервативные

методы конституционной интерпретации, т.е. на буквальный смысл конституционных положений, заложенный при принятии Основного закона (в доктрине данный подход получил наименование «оригинализм» или «юридический позитивизм» [2–4]), так и на эволюционные методы, предполагающие необходимость выявления духа и смысла конституции в контексте современного развития (доктрина «правового реализма» или «живой конституции» [5–9; 10. С. 77]). Исходя из теории живой конституции (Living Constitution), содержание конституции не является статичным феноменом, а постоянно развивается под влиянием социальных изменений в обществе. По мнению В.Д. Зорькина, «заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет адаптировать этот текст к меняющимся социально-правовым реалиям в рамках принятой в мировой конституционной практике доктрины “живой Конституции”». Опора на эту доктрину дает возможность, не искажая сути правового смысла, заложенного в текст Конституции Российской Федерации, выявлять его актуальное значение в контексте современных социально-правовых реалий» [11]. Как подчеркивает Н.С. Бондарь, «посредством конституционного правосудия конституционализм как особый политико-правовой режим демократического государства актуализируется с учетом конкретно-исторических условий своего развития, превращается в “живой” конституционализм на основе вырабатываемых правовых позиций Конституционного Суда, относящихся как к нормам и институтам конституционного и других отраслей права, так и к практике их реализации» [12. С. 101]. То есть доктрина живой конституции является приемлемой для российских реалий и уже применяется в практике Конституционного Суда Российской Федерации (далее Конституционный Суд РФ или Конституционный Суд).

Одним из наиболее ярких примеров является решение Суда по делу «О назначении губернаторов». В постановлении Конституционного Суда, в частности, говорится: «...поскольку положения Конституции Российской Федерации проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные Конституционным Су-

дом Российской Федерации в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции Российской Федерации применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования» [13].

Толкование Конституции. Выявление Конституционным Судом как буквального смысла, так и «духа» конституционных положений особенно видно при реализации им функции толкования Основного закона. Основываясь на общепринятой классификации толкования правовых норм [14], можно отметить, что Конституционный Суд РФ осуществляет как официальное (нормативное), так и казуальное толкование. При этом достаточно важным становится признание его исключительности, что имеет место в законодательстве России (ст. 125 Конституции РФ, ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В результате толкования орган конституционного контроля дает правовую оценку рассматриваемым нормам и степени их соответствия Основному Закону государства. Говоря об объективных и субъективных пределах толкования, следует отметить, что объективные пределы очерчиваются действующим законодательством и могут быть ограничены «самой Конституцией» [15. С. 3–12]. Субъективные границы толкования определяются используемыми судьями Конституционного Суда приемами и способами толкования [16]. Так, Б.С. Эбзеев выделяет пять таких способов толкования: систематическое, филологическое, историко-политическое, логическое и телеологическое [17]. В связи со значительной широтой усмотрения в процессе толкования Конституции рассматриваемые методы можно считать некими рамками для судей. Причем указанные способы могут применяться в связке [18]. Гарантии добросовестности субъективных пределов не вызывают сомнений и определены высокими квалификационными требованиями, предъявляемыми к кандидатам на занятие должности судьи. Именно этот аспект призван не допустить ситуацию, когда преобразовательная роль Конституционного Суда войдет в противоречие с его охранительной ролью и начнет жить «самостоятельной жизнью», выйдя за рамки задачи правовой охраны Конституции.

Посредством принимаемых актов (результатов толкования права) суды во многом устраняют либо нивелируют ошибки законодателя, смягчают его подчас негативное нормативное воздействие на социальные процессы [19. С. 145]. Следует согласиться, что совершенного и беспробельного законодательства нет [20. С. 352]. Отмеченное естественно оказывает влияние на всю правовую систему. Это нередко приводит к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина и других конституционных установлений. Несмотря на то что Конституционный Суд не наделен специальными полномочиями оценивать конституционность последствий несбалансированно-

го, пробельного или противоречивого правового регулирования, на практике данная проблема возникает нередко. Если возникшие вышеуказанные обстоятельства нарушают или могут нарушить конкретные конституционные права, они могут являться основанием для проверки его конституционности [20]. При этом в процессе толкования нормативных установлений неизбежно проявляются элементы творчества, преодолеваются имеющиеся пробелы в правовом регулировании и зачастую происходит приближение к грани, отделяющей толкование от нормотворчества, а иногда и пересечение этой грани [21. С. 4]. Таким образом, классические концепции судебного нормотворчества получают новое отражение в деятельности Конституционного Суда РФ [22. С. 130–137; 23. С. 304], в частности, проявлении попутной функции – конституционно-контрольного нормотворчества [24]. Данная функция реализуется посредством толкования, причем как официального (нормативного), так и казуального.

Толкование может выступать средством дополнительного регулирующего воздействия на содержание акта в случае конкретизации отдельных нормативных положений [25]. При этом разъяснения, даваемые юрисдикционными органами, являются нормативными в том плане, что имеют общий характер [26. С. 134]. Из этого можно заключить, что результат толкования как юридический акт и как процессуальная деятельность уполномоченного органа, не вторгаясь в компетенцию законодателя, позволяют выявлять и устранять противоречия и пробелы как в нормотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Отличительным признаком конституционно-контрольного нормотворчества является то, что толкование, осуществляемое Конституционным Судом, может существенно изменить содержание нормы либо вообще признать ее неконституционной.

Как справедливо полагают ученые, формирование общих правил поведения в данном случае заключается в интерпретации конституционных норм, с помощью которой в правовом пространстве формируются правовые позиции, имеющие нормативное содержание [27. С. 183; 28. С. 21–24]. Отмеченное выступает средством «преобразования» («оживления») конституционных норм [29. С. 56] и является видом деятельности, близким к нормотворчеству [30. С. 45–51]. При этом дословный текст интерпретируемой нормы не является преградой для толкования органом конституционного контроля, потому что он выполняет в данном случае нормотворческую функцию [31. С. 5–12].

Таким образом, толкование, как официальное, так и казуальное, осуществляемое Конституционным Судом, выступает своеобразным вариантом нормотворческого процесса – конституционно-контрольным нормотворчеством, реализуемым в деятельности исключительно этого органа.

Конституционно-контрольное нормотворчество. Рассмотрим некоторые примеры развития конституционных положений в практике Конституционного Суда в области формирования органов местного самоуправления. Так, во второй половине 90-х гг. Кон-

ституционный Суд, в своих решениях, акцентировал внимание на том, что «городские и сельские муниципальные образования предназначены – для решения вопросов местного значения» [32]. Поэтому вводимое правовое регулирование должно обеспечивать безусловное право населения или избранных им представительных органов местного самоуправления «...самостоятельно, без вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц, формировать органы местного самоуправления» [33].

Спустя 10 лет Конституционный Суд указывает на то, что в целях обеспечения необходимого уровня гарантирования баланса местных и общегосударственных интересов [34] в отношении определенной категории муниципальных образований допускается иной, чем непосредственное волеизъявление граждан, способ наделения полномочиями главы муниципального образования [35]. Далее Конституционный Суд, продолжая раскрывать внутренний потенциал Основного закона, отмечает, что «самостоятельность местного самоуправления не является абсолютной, она не предполагает отрицания организационного и иных форм взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти» [36]. Кроме того, самостоятельность местного самоуправления, проявляющаяся в вопросах определения структуры его органов, служит базой для его интеграции в систему публичной власти, тем самым обуславливается необходимость сбалансированного сочетания в его организации и деятельности общегосударственных, региональных и местных интересов [37].

В итоге появляется модель, при которой глава муниципального образования в случае его избрания представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, возглавляет местную администрацию [38]. При этом половина членов конкурсной комиссии назначается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) [Там же]. Более того, как отмечается в решении Конституционного Суда, органы государственной власти могут оказывать на местное самоуправление регулирующее воздействие, учитывая необходимость достижения конституционных целей государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации [39].

Таким образом, без изменений текста Конституции РФ, по сути, был осуществлен переход от «модели самостоятельного местного самоуправления» без вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц формировать органы местного самоуправления, к «модели непосредственного участия органов государственной власти субъектов РФ в формировании глав муниципальных образований». Такой подход, как указывает Конституционный Суд РФ, соответствует социально-историческому контексту и основан на том, что Конституция Российской Федерации прямо не называет главу муниципального образования в числе избираемых населением напрямую [40].

В этой связи особый интерес представляет высказывание В.Д. Зорькина о том, что конструкция ст. 12 Конституции РФ дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти (в том числе представительным органам государственной власти), в то время как органы местного самоуправления по своей природе являются лишь нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации [11]. Вместе с тем публичное представительство имеет двойственную природу: политическую и правовую одновременно [41. С. 186–198]. Представляется, что Конституционный Суд еще вернется к «оживлению» Конституции в сфере местного самоуправления.

Далее хотелось бы обратить внимание на особенности самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества, а также на проблемы воздействия на механизм правоприменения и процесс формирования правовой культуры.

Самостоятельное и косвенное конституционно-контрольное нормотворчество. В практике Конституционного Суда России самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество проявляется не во всех постановлениях и определениях. Так, некоторые решения могут сочетать индивидуальные начала, другие – обладать нормативными свойствами, при этом сущностью нормативности выступает общий характер. Необходимо сделать оговорку, что Конституционный Суд нормотворчеством в «чистом виде» не занимается.

Самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество возникает тогда, когда Конституционный Суд РФ сталкивается с пробелом в законодательстве, с неконституционным законом, с нормой правового акта, требующей выявления конституционно-правового смысла. В указанных случаях Конституционный Суд формулирует правила поведения, которые становятся общим регулятором правоотношений на всей территории государства. Самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество имеет следующие стадии: прямое (непосредственное) и косвенное (опосредованное).

Прямое (непосредственное) конституционно-контрольное нормотворчество – определение Судом временного общего (нормативного) правила поведения посредством толкования до принятия соответствующего закона. Правоприменитель ориентируется на решения Конституционного Суда, что способствует последовательной и системной реализации конституционных принципов и норм.

Косвенное конституционно-контрольное нормотворчество проявляется в ситуации когда на основе решения Конституционного Суда принимается соответствующий нормативный правовой акт. Так, Конституционный Суд РФ регулярно использует формулировку «федеральному законодательству надлежит» [42] либо требует незамедлительно принять меры по устранению правовой неопределенности [43] внести в законодательство изменения, основанные на его правовой позиции [44], в некоторых случаях указывает, что выявленный конституционно-правовой смысл проверяемой нормы не препятствует федеральному

законодательно установить пределы правового регулирования [45].

На практике возможно сочетание как прямого, так и косвенного конституционно-контрольного нормотворчества. Грань между прямым и косвенным конституционно-контрольным нормотворчеством – принятие нормативного правового акта, т.е. как только нормативный правовой акт вступает в действие, прямое (непосредственное) конституционно-контрольное нормотворчество трансформируется в косвенное (опосредованное).

Именно в результате проявления самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества Конституция РФ становится «живым» организмом, который постоянно развивается [46]. В частности когда Конституционный Суд опирается не столько на букву, сколько на дух Конституции.

Ярким примером осуществления прямой самостоятельной нормотворческой функции Конституционного Суда РФ является практика раскрытия им основополагающих принципов римского права. *Lex specialis derogat generali* – «специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон» [47]. *Lex posterior derogat legi priori* – «позднейшим законом отменяется более ранний» [48, 49]. *Lex superior derogat legi inferior* – «закон высшей юридической силы отменяет действие закона низшей юридической силы» [50]. *Lex posterior generalis non derogat priori speciali* – «последующий общий закон не отменяет более раннего специального закона аналогичной юридической силы, если это особо не оговорено в самом законе» [51]. *Non bis in idem* – «не дважды за одно и то же». Конституционным Судом РФ подчеркнуто значение этого принципа во взаимосвязи с обеспечением правовой безопасности, правовой определенности и стабильности [52]. Кроме того, раскрыты отличия данного принципа от общеправового принципа справедливости [53].

В деятельности федерального законодателя непосредственно принципы римского права оказались невостребованными, хотя в практике их применяют, что очередной раз подтверждает фактическое признание прямой конституционно-контрольной нормотворческой функции Конституционного Суда РФ.

Крайне интересным представляется пример рассмотрения Конституционным Судом РФ вопросов, связанных с конституционностью назначения наказания в виде смертной казни иным составом суда, чем суд с участием присяжных заседателей. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П указано следующее: недопустимо назначение смертной казни до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории России право на рассмотрение дела «судом присяжных». Такое наказание назначаться не может независимо от того, каким составом суда рассматривается уголовное дело [54]. После окончательного формирования во всех субъектах института присяжных заседателей Конституционный Суд РФ в определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р разъяснил, что в системе действующего правового регулирования были сформированы устой-

чивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни. Следовательно, введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории России не открывает возможности применения смертной казни [55].

Таким образом, несмотря на то что текст ч. 2 ст. 20 Конституции РФ остался неизменным и предусматривает смертную казнь в качестве исключительной меры наказания, на практике, руководствуясь правовыми позициями Конституционного Суда, она не применяется в России с 1999 г.

В другом случае, следуя представлениям о неограниченности права на судебную защиту, Конституционный Суд РФ принял решение о возможности рассмотрения судом присяжных уголовных дел в отношении женщин [56]. Для судебной практики это означает невозможность отказа в удовлетворении ходатайства обвиняемой о рассмотрении ее дела судом присяжных. При этом для избежания споров об отказе в доступе к правосудию Конституционный Суд РФ специально оговорил, что названное постановление будет применяться судами, если судебные заседания по уголовным делам еще не назначены к рассмотрению. Во всех остальных случаях подсудность и состав суда изменению (за исключением уголовного дела заявительницы) не подлежат.

Кроме того, Конституционный Суд в своих решениях указывал о возможности использования обратной силы законов [57], а в некоторых случаях позволял судам ретроактивное применение норм Налогового кодекса Российской Федерации о трехлетнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений [58]. Из этого можно заключить, что самостоятельное конституционно-контрольное нормотворчество получает определенную взаимосвязь с необходимостью корректировки принципа «обратной силы» благодаря процедурам конституционного судопроизводства при условии соразмерности и разумности таких корректировок и при соблюдении баланса конституционно-защищаемых ценностей.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в ходе проявления самостоятельного конституционно-контрольного нормотворчества развивает Конституцию РФ без изменения текста посредством раскрытия ее духа, тем самым помогая государству идти в ногу со временем и отстаивать свои национальные интересы [59]. Раскрытие заложенных идей в Конституции РФ позволяют чувствовать себя единой страной, строить правовую систему на современных началах, являться полноценным членом семьи цивилизованных народов [60]. Еще предстоит пройти большой путь практической реализации положений Конституции РФ, раскрытия и осознания ее норм.

Правоприменительный аспект. Воздействие конституционно-контрольного нормотворчества на юридическую практику происходит с учетом общеобязательности сформулированных правовых позиций. В основу реализации предоставленных Конституционному Суду полномочий, в части обеспечения единства судебной практики, положено верховенство конституционных предписаний [61. С. 26; 62. С. 34].

Так, Конституционный Суд обеспечивает формирование конституционного единства практики общих и арбитражных судов. Несмотря на отсутствие в России «закона о законах», в котором возможно было бы закрепить фактический статус решений Конституционного Суда, частично их влияние на единство судебной практики компенсируется наличием оснований пересмотра судебных решений в случае признания Судом закона не соответствующим Конституции РФ. При этом процессуальное законодательство России умалчивает о последствиях в случае признания закона не противоречащим Конституции, когда выявляется конституционно-правовой смысл рассматриваемого закона как в постановлениях, так и в отказных определениях. По нашему мнению, данный пробел является существенным, его восполнение будет способствовать конституционному единству правоприменительной практики [63. С. 103–105].

Кроме того, особую роль в конституционализации единства судебной практики играет и Верховный Суд РФ, который долгое время ориентировал суды на «прямое применение Конституции» в узком смысле, т.е. без учета позиций Конституционного Суда РФ [64]. Поэтому в российской судебной практике решения Конституционного Суда РФ редко учитывались судами общей юрисдикции. Эта ситуация получила критическую оценку (К.Б. Калиновский, С.Э. Либанова, А.А. Маркин, И.Ю. Остапович) [65. С. 140–146; 66. С. 71–74; 67. С. 259–261]. Конституционный Суд в настоящее время не наделен полномочиями по проверке конституционности постановлений Пленума Верховного Суда РФ. За период действия ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» это было подтверждено в пяти актах Конституционного Суда РФ [68]. В свою очередь, праворазыяснительная деятельность Верховного Суда РФ в российской правовой доктрине рассматривается как толкование закона и «обязательный образец» для разрешения судебных дел [69. С. 298; 70. С. 119–121]. При этом выявленный органом конституционного контроля конституционно-правовой смысл положения закона, признанного соответствующим Конституции РФ, является обязательным для применения судами.

В 2013 г. Верховный Суд в своем Постановлении Пленума дал более широкое понимание «прямого применения Конституции РФ», а именно: теперь суды должны применять Конституцию РФ в том понимании, которое раскрывается Конституционным Судом РФ [71]. Следующая позитивная динамика со стороны Верховного Суда РФ прослеживается в Определении по делу № 307-КГ14-4737, где указано, что основанием для пересмотра по новым обстоятельствам судебных актов по делу заявителя в связи с принятием акта Конституционным Судом РФ является не конкретный, принятый им судебный акт, т.е. решение, под которым в юридической науке могут пониматься и решения, и постановления, и определения, а выявленный и сформулированный в конкретном судебном акте конституционно-правовой смысл нормы, который ранее в процессе правоприменения ей не придавался [72]. По сути, Верховный Суд РФ указал нижестоящим судам о применении «нормативности» ре-

шения Конституционного Суда РФ как истинного конституционализированного источника, а главное, обозначил фактический статус отказных определений Конституционного Суда РФ.

В условиях правового государства роль закона возрастает, и вместе с ней возрастает роль правоприменителя, нередко призванного преодолевать противоречия между нормами права и фактическими условиями жизни людей. Усиливается и роль доктринального толкования закона, поскольку, во-первых, в деятельности Конституционного Суда принимают участие высококвалифицированные юристы, чей научный профессионализм является одним из определяющих критериев при назначении на должность. Во-вторых, Конституционный Суд при изучении вопроса привлекает научных специалистов – *amici curiae* (так называемых друзей суда). Проведенный О.Н. Кряжковой анализ заключений *amici curiae* показывает, что наблюдаются признаки их влияния на Конституционный Суд или на отдельных судей [73. С. 87–105].

При недостаточной степени системности, плановости и скоординированности конституционно-контрольное нормотворчество зачастую оказывается важнейшим, а иногда – практически единственным средством приспособления закона к перманентно возникающим и динамично развивающимся общественным отношениям. Вследствие этого воздействие конституционно-судебного контроля приобретает специфическую форму. Динамическая трансформация правовых позиций – на фоне нестабильности системы права – способствует заполнению ими правовых пробелов.

Воздействие конституционно-контрольного нормотворчества на юридическую практику – с учетом общеобязательности и неизменности их решений – носит прикладной характер.

Так, например, Конституционный Суд РФ прямо указывал, что проверяемые положения закона заведомо определяют решение суда, и на этом основании указывал направления осуществления судебной защиты до внесения изменений в действующее законодательство [74]. Проверяемые нормы признавались при этом неконституционными. В другом решении Конституционный Суд разъяснил, что действующее законодательство об охране государственной тайны не дает оснований для ограничения конституционного права на защиту и квалифицированную юридическую помощь [75]. При этом было установлено соответствие Конституции РФ проверяемых норм. В обоих случаях правовые позиции Конституционного Суда РФ адресованы в первую очередь правоприменителю и имеют общий характер, потому как предназначены для формирования юридической практики в заданном органе конституционно-судебного контроля направлении. Из этого следует, что воздействие конституционного контроля на юридическую практику (правоприменение) не имеет дифференциации в зависимости от того, установлена конституционность или неконституционность проверяемой нормы.

В отечественной юридической науке связь между неоднократным применением правоположений и возникновением общего характера (нормативности)

обоснована еще в середине 70-х гг. XX в. В.В. Лазаревым [76].

Таким образом, при неоднократном применении правовых позиций органа конституционного контроля в судебной практике они приобретают характер общих правил (нормативность). В то же время «живой конституционализм», создаваемый фактически правоприменительной практикой, в совокупности с деятельностью Конституционного Суда позволяет адаптировать правовые положения без внесения в них изменений в рамках законодательного процесса. При этом некоторыми учеными такая возможность его реализации оценивается как псевдостабильность конституционного поля или как противоречие конституционного регулирования и объективной реальности [77. С. 16–23]. Вместе с тем деятельность Конституционного Суда воздействует на формирование единых правоприменительных подходов.

Правовая культура. Важнейшей предпосылкой правового государства является гражданское общество, т.е. система отношений между людьми, обеспечивающая удовлетворение их неотъемлемых прав и интересов на основе самоуправления и свободы [78. С. 69–70]. В этой связи особую актуальность имеет не столько правовая грамотность населения, сколько правовая культура, основанная на кросс-культуре как понимании истины и принципов, касающихся человеческого поведения в разных культурах [79. С. 10]. Понимание конституционной природы принимаемых Конституционным Судом РФ в порядке конституционно-контрольного нормотворчества решений требует понимания духа Конституции населением страны. Чем больше доверия граждан к деятельности государственных органов, в первую очередь судов, тем выше стабильность конституционного поля и авторитет Конституционного Суда РФ и государственной власти. Конституционно-контрольное нормотворчество, объединяя уважение к праву и соблюдение прав, служит основой формирования и развития правовой культуры.

Так, например, согласно социологическому опросу граждан Германии на вопрос о том, каким органам государственной власти они оказывают наибольшее доверие, ответ был однозначным. Около 75% ответили, что Федеральный Конституционный Суд ФРГ – один из самых беспристрастных, чьи решения в сравнении с другими органами государственной власти больше отражают реальность происходящего и поэтому отвечают человеческим потребностям. На наш взгляд, именно такая оценка жителей страны в отношении Конституционного Суда России позволит повысить доверие граждан к органам государственной власти, что, в свою очередь, будет способствовать минимизации правового нигилизма.

Исходя из того что человек, его права и свободы, провозглашенные в Конституции Российской Федерации, являются высшей ценностью, воздействие конституционно-контрольного нормотворчества на развитие не только права, но и гражданского общества может быть рассмотрено через процесс формирования и развития правовой культуры. «Текст конституции не содержит пустых деклараций, ее положения действующие, работающие. Однако это не зако-

стенелая правовая конструкция, а живой развивающийся организм», – сказал В.В. Путин на приеме по случаю празднования Дня российской Конституции. Глава государства также уточнил, что Конституция является развивающимся правовым механизмом, который изменяется для совершенствования системы защиты прав и свобод граждан на территории РФ [46].

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения [80]. При ее реализации могут быть созданы традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду. Документ поощряет добропорядочность и добросовестность как преобладающую модель социального поведения и направлен в целом на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современному цивилизованному государству. Приказом Минюста РФ от 29 сентября 2011 г. № 347 образована межведомственная рабочая группа по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. В ряде субъектов РФ приняты планы мероприятий по реализации Основ на уровне этих субъектов. Указанные положения прямо не затрагивают осуществление конституционного контроля, однако способствуют нравственному и правовому развитию российских граждан, воспитанию у них как уважения к Конституции и законам, так и повышению информированности о способах правовой защиты. Вследствие этого одной из важных задач, разрешение которой будет способствовать укреплению институтов гражданского общества, выступает соотношение конституционного и общественного контроля.

В целях повышения уровня правовой культуры, доверия граждан к органам государственной власти и преодолению правового нигилизма предпринимаются различные действия [81–83], в том числе внедрение на основе научно-определенных индикаторов эффективной системы всеобъемлющего конституционного мониторинга, заключающегося в анализе действующего права и правоприменительной практики на предмет реализации конституционных ценностей [84].

Поскольку важным методологическим критерием конституционализации России являются вопросы конституционного патриотизма, конституционного мышления и культуры, конституционно-правового мировоззрения граждан, они также должны применяться при проведении мониторинга конституционно-го правоприменения, осуществляемого самим гражданским обществом.

Развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры. Без нее не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов. Сходные проблемы в определенной степени разрешены в тех странах, у которых заимствованы демократические инсти-

туты, это объясняется, в частности, их немалым историческим опытом. Однако важным для России представляется поиск собственной оптимальной модели демократического развития, в которой будут отражены ее исторические традиции, духовные ценности и культурный код.

Отвечая на вопрос, не пора ли готовить новую Конституцию, С.А. Авакьян отмечает: «...сейчас эту идею большинство не поддерживает. Но некоторые вопросы в развитии норм о конституционном строе можно было бы уточнить. Правда, для этого надо поставить перед Конституционным Судом вопрос, можно ли, не изменяя первую и вторую главы, добавить в Конституцию слова о том, что у нас есть гражданское общество, назвать его институты. В законе об Общественной палате говорится, что она является одним из эффективных инструментов гражданского общества. Но что такое гражданское общество, нигде не указано. Что такое демократия и демократические институты? Осуществляют ли они самоуправление в обществе? Об этом надо хотя бы общими словами сказать в Конституции. И, скорее всего, в первой ее главе. На встрече с президентом я сказал, что можно не менять Конституцию, но дополнить ее новой главой 1 прим., посвященной гражданскому обществу, ее институтам и политическим правам личности. Можно ли это сделать, должным образом истолковать Конституционный Суд» [85].

Уровень правосознания и правовой культуры напрямую зависит от того, как функционирует государство, его органы, в том числе судебные [86], и как оно обеспечивает гарантированные Конституцией права и свободы человека. Однако и само гражданское общество способно и должно воздействовать на государственные институты, в первую очередь путем осуществления контроля. Оно может делегировать это право своему институту (ассоциация юристов, адво-

катура и т.п.), способному выполнять профессионально-правовой общественный контроль, или «демократию» (народонадзор, от лат. *democ* – народ и *suria* – надзор [87. С. 35]), за обеспечением конституционных прав и свобод человека органами публичной власти. Широкое внедрение такого контроля явится ярким примером преодоления отставания от актуальных общественных отношений (фактической конституции) и применения эволюционного метода, основанного на духе и смысле конституции в контексте современного развития доктрины «живой конституции» без внесения изменений в текст Конституции РФ. Соглашаясь с утверждением Д.А. Медведева о том, что «идеология Конституции – это права и свободы граждан» [60], хотелось бы дополнить, что именно эффективная реализация прав и свобод человека, закрепленных в тексте Конституции, а также их защита – суть идеологии правового государства [24. С. 332].

Таким образом, практика Конституционного Суда России оказывает воздействие на унификацию механизма правоприменения, поскольку конституционализация законодательства, с одной стороны, и относительная стабильность его решений – с другой, позволяют обеспечивать единство правоприменительной практики. При этом формы воздействия на правовую систему могут выражаться в: 1) толковании конституционных положений; 2) формулировании правовых позиций, раскрывающих конституционно-правовой смысл норм, признанных конституционными; 3) конституционном истолковании законов и определении конституционно допустимых рамок их применения; 4) участии в формировании доверия граждан и правовой культуры. Более того, доктрина «живой конституции», применяемая Конституционным Судом, способствует процессу развития гражданского общества в целом и его отдельных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саликов М.С. Изменение Конституции: формы, соотношение и пределы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 5. С. 23–35.
2. Boyce B. Originalism and the Fourteenth Amendment // Wake Forest Law Review. 1998. Vol. 33.
3. Scalia A. Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law. Princeton : Princeton University Press, 1997.
4. Vloet. K. Two Views of the Constitution: Originalism vs. Non-Originalism. University of Michigan Law. 2015. September 22.
5. McBain H.L. The Living Constitution: a Consideration of the Realities and Legends of our Fundamental Law. New York : The Workers Education Bureau Press, 1927.
6. Posner R. Pragmatic Adjudication // Cardozo Law Review. 1996. Vol. 18, is. 1. P. 1–21.
7. Strauss D.A. The Living Constitution. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2010.
8. Rehnquist W.H. The Notion of a Living Constitution // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2006. Vol. 29, № 2.
9. Parks G.S. Noward a Critical Race Realism // Cornell Journal of Law and Public Policy. 2008. Vol. 17.
10. Берлявский Л.Г. Теории конституционной интерпретации в США // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 77.
11. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции – о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Российская газета. 2018. 9 окт.
12. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011. С. 101.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Российская газета. 2005. 29 декабря.
14. Смирнов А.В., Манукян А.Г. Толкование норм права. М. : Проспект, 2008. 144 с.
15. Зорькин В.Д. Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности и развитии Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 3–12.
16. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 50 с.
17. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013. С. 46.
18. Особое мнение судьи Г.А. Гаджиева (Определение от 2 нояб. 2006 г. № 444-О) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 15.12.2018).
19. Малько А.В. Судебная жизнь общества как объект судебной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 1. С. 145.
20. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М. : Норма, 2017. С. 352.

21. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 4.
22. Александров А.А. Современная интерпретация классических концепций судебного правотворчества // Право и управление. XXI век. 2011. № 2. С. 130–137.
23. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. С. 304.
24. Остапович И.Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество специализированных органов конституционного контроля Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 494 с.
25. Баранов В.М., Лазарев В.В. Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики. Н. Новгород : НА МВД России, 2008. С. 16–33.
26. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 134.
27. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2011. С. 183.
28. Кокотов А.Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21–24.
29. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия. М. : Норма, 2011. С. 56.
30. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 45–51.
31. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–12.
32. Постановления от 24 января 1997 г. № 1-П и от 15 января 1998 г. № 3-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
33. Постановления от 16 октября 1997 г. № 14-П и от 3 ноября 1997 г. № 15-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
34. Определение от 5 марта 2009 г. № 375-О-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
35. Определение от 15 января 2008 г. № 219-О-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
36. Постановление от 18 мая 2011 г. № 9-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 10.08.2018).
37. Постановление от 24 декабря 2012 г. № 32-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).
38. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.
39. Определение от 3 июля 2018 г. № 1676-О/2018 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
40. Постановление от 1 декабря 2015 г. № 30-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
41. Кравец И.А. Конституционная репрезентация: проблемы идентификации и совершенствования публичного политического представительства // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 186–198.
42. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 нояб. 2012 г. № 29-П // Российская газета. 2012. 14 дек.
43. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2015 г. № 17-П // Российская газета. 2015. 28 июня.
44. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февр. 2014 г. № 4-П // Российская газета. 2014. 27 фев.
45. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П // Российская газета. 2013. 25 мар.
46. Путин назвал конституцию «живым организмом». URL: <https://news.ru/politika/putin-nazval-konstituciyu-zhivym-organizmom> (дата обращения: 15.12.2018).
47. Определение Конституционного Суда РФ от 1 дек. 1999 г. № 211-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 2.
48. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2001 г. № 9-П // Российская газета. 2001. 4 июля.
49. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // Российская газета. 2004. 7 июля.
50. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П // Российская газета. 2000. 21 июня.
51. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П // Российская газета. 2012. 20 июля.
52. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2013 г. № 6-П // Российская газета. 2013. 3 апр.
53. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сент. 2015 г. № 1975-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
54. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февр. 1999 г. № 3-П // Российская газета. 1999. 10 фев.
55. Определение Конституционного Суда РФ от 19 нояб. 2009 г. № 1344-О-П // Российская газета. 2009. 27 нояб.
56. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февр. 2016 г. № 6-П // Российская газета. 2016. 11 марта.
57. КС дал новое толкование нормам об обратной силе законов. URL: <https://legal.report/ks-dal-novoe-tolkovanie-normam-ob-obratnoj-sile-zakonov/> (дата обращения: 20.08.2018).
58. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 г. № 9-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
59. Путин заявил, что Конституция РФ не застывший, а развивающийся организм. URL: <https://www.interfax.ru/russia/641997> (дата обращения: 12.12.2018).
60. Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–16.
61. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011. С. 26.
62. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Юрист, 2003. С. 34.
63. Либанова С.Э., Остапович И.Ю. 25 лет Конституции Российской Федерации, проблемы конституализации нормотворчества и правоприменения // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (126). С. 103–105.
64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 февр. 2007 г. № 5 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2007. № 3. С. 9–14.
65. Калиновский К.Б. Значение «отказных» определений Конституционного Суда РФ для понимания и применения норм уголовного и уголовно-процессуального права // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса / сост. К.Б. Калиновский. СПб. : Петрополис, 2010. С. 140–146.
66. Маркин А.А. «Отказные» определения Конституционного Суда Российской Федерации и юридическая картина современной России // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 71–74.
67. Либанова С.Э., Остапович И.Ю. К вопросу о взаимодействии Конституционного и Верховного судов Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 259–261.
68. Определения Конституционного Суда РФ от 13 июля 2000 г. № 197-О, от 17 июля 2007 г. № 499-О-О, от 15 июля 2008 г. № 473-О-О, от 21 окт. 2008 г. № 687-О-О, от 19 мая 2009 г. № 847-О-О // Консультант Плюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).

69. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : РОССПЭН, 2010. С. 298.
70. Потапенко С.В. Судебное нормотворчество и единство судебной практики // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2006. 1. С. 119–121.
71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апр. 2013 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 5. С. 2–7.
72. Определение Верховного Суда РФ от 21 апр. 2015 г. по делу № 307-КГ14-4737 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.08.2018).
73. Кряжкова О. Право быть услышанным: меморандумы amici curiae в российском Конституционном Суде // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5 (126). С. 87–105.
74. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П // Российская газета. 2013. 25 мая.
75. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 нояб. 2014 г. № 27-П // Российская газета. 2014. 11 нояб.
76. Лазарев В.В. Правоположение: понятие, происхождение и роль в механизме воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 3–15.
77. Добрынин Н.М. Размышления о российском конституционализме: современное состояние, конформизм или же реальная необходимость конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 12. С. 16–23.
78. Мами К. Правовое государство: социальный идеал и реальность // Законодательство. 2003. № 2. С. 67–70. 315с.
79. Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : Питер, 2002. С. 10.
80. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Президентом РФ 28.04.2011 // Российская газета. 2011. 14 июля.
81. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
82. О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций : Указ Президента РФ от 17 апр. 2017 г. № 171 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2545 (данный документ направлен на эффективность реализации Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 03 нояб. 2015 г.).
83. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
84. В 2017 году федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов РФ в порядке обеспечения реализации Указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в РФ» проведен мониторинг правоприменения в РФ на 2017 год, план которого утвержден распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2016 г. № 1751-р. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2018).
85. Авакьян С.А. Интервью // Адвокатская газета. 2018. Дек.
86. Саликов М.С. Роль Конституционного Суда России в определении пределов ограничений прав человека // Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 2–7 октября 2017 г.) / отв. ред. М.С. Саликов. Екатеринбург : Издательский дом УрГЮУ. 2018. Вып. 3.
87. Либанова С.Э. Конституционно-правовые основы деятельности адвокатуры в обеспечении прав и свобод человека в Российской Федерации. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. С. 35.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 января 2019 г.

Constitutional Supervisory Rulemaking in the Context of the Doctrine of the Living Constitution

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 440, 219–230.

DOI: 10.17223/15617793/440/30

Marat S. Salikov, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: salikov.marat@list.ru

Svetlana E. Libanova, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: libany@rambler.ru

Igor Yu. Ostapovich, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation). E-mail: ostapovich7@mail.ru

Keywords: Constitution of Russian Federation; living Constitution; interpretation of Constitution; civil society.

The article discusses the theoretical foundations of the doctrine of a living constitution as a legal mechanism for changing the essence of a text through modification, conversion, transformation, replacement, modernization, reformation, transfiguration, development, etc. The authors have studied the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrating changes in the rules of behavior, legal relations without adjusting the text of the Constitution of the Russian Federation. The interrelation between interpretation and rule-making is shown. It is concluded that, as a result of the manifestation of general rules of behavior, the Constitutional Court of the Russian Federation implements an associated function – constitutional supervisory rule-making. The scientific approaches to understanding the essence and features of constitutional and supervisory rule-making are considered, its stages are determined. The article substantiates the scientific, constitutional and political legal significance of the concept of constitutional supervisory rule-making for the development and improvement of lawmaking, by-law rule-making and law enforcement. Constitutional supervisory rule-making (as a by-passing function) can accelerate the harmonious integration of state and civil society institutions based on a cross-cultural approach to universal values that go far beyond simple methodological changes in research conducted to test hypotheses related to truth and knowledge and make law enforcement moral, consistent with constitutional principles, values and presumptions. The legal phenomenon of constitutional rights and constitutional enforcement that is studied in this article is key to the concept of regulating social relations and allows for the effective implementation of the principle of democracy by the people by harmoniously constitutionalizing social relations in Russia. The article uses the dialectical method of scientific knowledge, as well as logical, historical, and systemic methods. Of particular importance were the methods of analysis and synthesis. A functional method was used to study the main areas of activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and its impact on rule-making and law enforcement. The authors have identified the gaps and shortcomings of the current legislation in the field of constitutional-judicial supervision and formulated provisions on the improvement of constitutional legislation. Special attention is paid to the dynamic possibilities, realities and the perspective of the implementation of the doctrine of a living constitution. The study analyzes the theoretical foundations and origins of the doctrine of a living constitution as well as the problems of the implementation of this phenomenon in the Russian reality.

REFERENCES

1. Salikov, M.S. (2018) Amending the Constitution: forms, correlation and limits. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 5. pp. 23–35. (In Russian).
2. Boyce, B. (1998) Originalism and the Fourteenth Amendment. *Wake Forest Law Review*. 33.
3. Scalia, A. (1997) *Matter of Interpretation. Federal Courts and the Law*. Princeton: Princeton University Press.
4. Vloet, K. (2015) Two Views of the Constitution: Originalism vs. Non-Originalism. *University of Michigan Law*. September 22.

5. McBain, H.L. (1927) *The Living Sonstitution: a Consideration of the Realities and Legends of our Fundamental Law*. New York: The Workers Education Bureau Press.
6. Posner, R. (1996) Pragmatic Adjudication. *Cardozo Law Review*. 18 (1). pp. 1–21.
7. Strauss, D.A. (2010) *The Living Constitution*. Oxford; New York: Oxford University Press.
8. Rehnquist, W.H. (2006) The Notion of a Living Constitution. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 29 (2).
9. Parks, G.S. (2008) Noward a Critical Race Realism. *Cornell Journal of Law and Public Policy*. 17.
10. Berlyavskiy, L.G. (2011) Teorii konstitutsionnoy interpretatsii v SShA [Theories of constitutional interpretation in the United States]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 10. pp. 77.
11. Zor'kin, V.D. (2018) Bukva i dukh Konstitutsii – o trevozhnykh prizyvakh k kardinal'nym konstitutsionnym reformam [The letter and spirit of the Constitution: on alarming calls for cardinal constitutional reforms]. *Rossiyskaya gazeta*. 9 October.
12. Bondar', N.S. (2011) *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow: Norma, Infra-M.
13. Rossiyskaya gazeta. (2005) Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2005, No. 13-P on checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation" in connection with complaints of a number of citizens. *Rossiyskaya gazeta*. 29 December. (In Russian).
14. Smirnov, A.V. & Manukyan, A.G. (2008) *Tolkovanie norm prava* [Interpretation of the rules of law]. Moscow: Prospekt.
15. Zor'kin, V.D. (2004) Rol' Konstitutsionnogo Suda v obespechenii stabil'nosti i razvitiia Konstitutsii [The role of the Constitutional Court in ensuring the stability and development of the Constitution]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 3. pp. 3–12.
16. Khabrieva, T.Ya. (1997) *Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika* [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation: Theory and Practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
17. Ebzeev, B.S. (2013) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii* [Man, people, the state in the constitutional order of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
18. Konsul'tantPlyus. (2006) *The dissenting opinion of judge G.A. Gadzhiyev (Definition dated November 2, 2006, No. 444-O)*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 15.12.2018). (In Russian).
19. Mal'ko, A.V. (2014) Sudebnaya zhizn' obshchestva kak ob'ekt sudebnoy politiki [The judicial life of society as an object of judicial policy]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 145.
20. Zor'kin, V.D. (2017) *Konstitutsionnyy Sud Rossii: doktrina i praktika* [The Constitutional Court of Russia: Doctrine and Practice]. Moscow: Norma.
21. Malyutin, N.S. (2015) *Sudebnoe tolkovanie normativnykh pravovykh aktov v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Court's interpretation of regulatory legal acts in the Russian Federation: constitutional and legal aspect]. Law Cand. Diss. Moscow.
22. Aleksandrov, A.A. (2011) Sovremennaya interpretatsiya klassicheskikh kontseptsiy sudebnogo pravotvorchestva [Modern interpretation of the classical concepts of judicial law making]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2. pp. 130–137.
23. Karapetov, A.G. (2011) *Bor'ba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropeyskom i amerikanskom prave* [The struggle for recognition of judicial law in European and American law]. Moscow: Statut.
24. Ostapovich, I.Yu. (2018) *Konstitutsionno-kontrol'noe normotvorchestvo spetsializirovannykh organov konstitutsionnogo kontrolya Rossiyskoy Federatsii, Respubliki Belarus' i Respubliki Kazakhstan (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Constitutional supervisory lawmaking of specialized bodies of constitutional control of the Russian Federation, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan (comparative legal research)]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
25. Baranov, V.M. & Lazarev, V.V. (2008) Konkretizatsiya prava: ponyatie i predely [Specification of law: the concept and limits]. In: Baranov, V.M. (ed.) *Konkretizatsiya zakonodatel'stva kak tekhniko-yuridicheskiy priem normotvorcheskoy, interpretatsionnoy, pravoprimeritel'noy praktiki* [Specification of legislation as a technical-legal method of rule-making, interpretative, law-enforcement practice]. N. Novgorod: N. Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
26. Pigolkin, A.S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [The interpretation of regulations in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat.
27. Zor'kin, V.D. (2011) *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia]. Moscow: Norma.
28. Kokotov, A.N. (2014) O pravotvorcheskom soderzhanii resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [On the law-making content of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 4. pp. 21–24.
29. Bondar', N.S. (2011) *Vlast' i svoboda na vesakh konstitutsionnogo pravosudiya* [Power and freedom on the scales of constitutional justice]. Moscow: Norma.
30. Khabrieva, T.Ya. (1997) *Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Moscow. pp. 45–51.
31. Ebzeev, B.S. (1998) *Tolkovanie Konstitutsii Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Interpretation of the Constitution by the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical and practical problems]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 5–12.
32. Konsul'tantPlyus. (1998) *Resolutions dated January 24, 1997, No. 1-P and January 15, 1998, No. 3-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
33. Konsul'tantPlyus. (1997) *Resolutions dated October 16, 1997, No. 14-P and dated November 3, 1997, No. 15-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
34. Konsul'tantPlyus. (2009) *Determination dated March 5, 2009, No. 375-OO*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
35. Konsul'tantPlyus. (2008) *Determination dated January 15, 2008, No. 219-OO*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
36. Konsul'tantPlyus. (2011) *Determination dated May 18, 2011, No. 9-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 10.08.2018). (In Russian).
37. Konsul'tantPlyus. (2012) *Determination dated December 24, 2012, No. 32-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.10.2018). (In Russian).
38. Russian Federation. (2003) Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (red. Ot 30.10.2018) [On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: federal law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on October 30, 2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the laws of the Russian Federation]. 40. Art. 3822.
39. Konsul'tantPlyus. (2018) *Determination dated July 3, 2018, No. 1676-O/2018*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
40. Konsul'tantPlyus. (2015) *Determination dated December 1, 2015, No. 30-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
41. Kravets, I.A. (2018) Constitutional representation: problems of public political representation identification and improvement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 186–198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/26

42. Rossiyskaya gazeta. (2012) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30 Nov. 2012 No. 29-P. *Rossiyskaya gazeta*. 14 December. (In Russian).
43. Rossiyskaya gazeta. (2015) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 25, 2015, No. 17-P. *Rossiyskaya gazeta*. 28 June. (In Russian).
44. Rossiyskaya gazeta. (2014) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 February 2014 No. 4-P. *Rossiyskaya gazeta*. 27 February. (In Russian).
45. Rossiyskaya gazeta. (2013) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 21, 2013, No. 6-P. *Rossiyskaya gazeta*. 25 March. (In Russian).
46. News.ru. (2018) *Putin nazval konstitutsiyu "zhivym organizmom"* [Putin called the constitution a "living organism"]. [Online] Available from: <https://news.ru/politika/putin-nazval-konstitutsiyu-zhivym-organizmom>. (Accessed: 15.12.2018).
47. RF Constitutional Court. (2000) Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 1 December 1999 No. 211-O. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 2. (In Russian).
48. Rossiyskaya gazeta. (2001) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 25, 2001, No. 9-P. *Rossiyskaya gazeta*. 4 July. (In Russian).
49. Rossiyskaya gazeta. (2004) P Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004, No. 13-P. *Rossiyskaya gazeta*. 7 July. (In Russian).
50. Rossiyskaya gazeta. (2000) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000, No. 10-P. *Rossiyskaya gazeta*. 21 June. (In Russian).
51. Rossiyskaya gazeta. (2012) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 9, 2012, No. 17-P. *Rossiyskaya gazeta*. 20 July. (In Russian).
52. Rossiyskaya gazeta. (2013) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 21, 2013, No. 6-P. *Rossiyskaya gazeta*. 3 April. (In Russian).
53. Konsul'tantPlyus. (2015) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 29, 2015, No. 1975-O*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
54. Rossiyskaya gazeta. (1999) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 2 February 1999 No 3-P. *Rossiyskaya gazeta*. 10 February. (In Russian).
55. Rossiyskaya gazeta. (2009) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19 November 2009 No. 1344-O-P*. *Rossiyskaya gazeta*. 27 November.
56. Rossiyskaya gazeta. (2016) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 February 2016 No. 6-P. *Rossiyskaya gazeta*. 11 March.
57. Trubilina, M. (2018) *KS dal novoe tolkovanie normam ob obratnoy sile zakonov* [The Constitutional Court gave a new interpretation of the rules on the retroactive effect of laws]. [Online] Available from: <https://legal.report/ks-dal-novoe-tolkovanie-normam-ob-obratnoj-sile-zakonov/>. (Accessed: 20.08.2018).
58. Konsul'tantPlyus. (2005) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2005, No. 9-P*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
59. Interfax.ru. (2018) *Putin zayavil, chto Konstitutsiya RF ne zakostenel'nyy, a razvivayushchiysya organizm* [Putin said that the Constitution of the Russian Federation is not a stale but a developing organism]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/641997>. (Accessed: 12.12.2018).
60. Medvedev, D.A. (2018) 25 let Konstitutsii: balans mezhdru svobodoy i otvetstvennost'yu [25 years of the Constitution: a balance between freedom and responsibility]. *Zakon*. 12. pp. 8–16.
61. Vitruk, N.V. (2011) *Konstitutsionnoe pravosudie: sudebnoe konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional justice: judicial constitutional law and process]. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
62. Lazarev, L.V. (2003) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moscow: Yurist.
63. Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2018) 25 years of the Constitution of the Russian Federation: problems of constitutional rulemaking and enforcement. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 11 (126). pp. 103–105. (In Russian).
64. Supreme Court of the Russian Federation. (2007) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 11 fevr. 2007 g. № 5 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 February 2007 No. 5]. *Byulleten' Verkhovnogo suda RF*. 3. pp. 9–14.
65. Kalinovskiy, K.B. (2010) Znachenie "otkaznykh" opredeleniy Konstitutsionnogo Suda RF dlya ponimaniya i primeneniya norm ugolovno i ugolovno-protsessual'nogo prava [The value of "negative" determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation for understanding and applying the norms of criminal and criminal procedural law]. In: Kalinovskiy, K.B. (ed.) *Konstitutsionno-pravovye problemy ugolovno prava i protsessy* [Constitutional and legal problems of criminal law and process]. St. Petersburg: Petropolis.
66. Markin, A.A. (2012) "Otkaznye" opredeleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i yuridicheskaya kartina sovremennoy Rossii ["Negative" determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation and the legal picture of modern Russia]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 12. pp. 71–74.
67. Libanova, S.E. & Ostapovich, I.Yu. (2017) To the question about the interaction of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 10 (113). pp. 259–261. (In Russian).
68. Konsul'tantPlyus. (2009) *Determinations of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 13, 2000, No. 197-O; dated July 17, 2007, No. 499-O-O; dated July 15, 2008, No. 473-O-O; dated October 21, 2008, No. 687-O-O; dated May 19, 2009, No. 847-O-O*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018). (In Russian).
69. Korkunov, N.M. (2010) *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Moscow: ROSSPEN.
70. Potapenko, S.V. (2006) Sudebnoe normotvorchestvo i edinstvo sudebnoy praktiki [Judicial rule-making and unity of judicial practice]. *Konstitutsionnoe pravosudie v stranakh SNG i Baltii*. 1. pp. 119–121.
71. Supreme Court of the Russian Federation (2013) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16 apr. 2013 g. № 9 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 16, 2013, No. 9]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 5. pp. 2–7.
72. Konsul'tantPlyus. (2015) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 21, 2015, on case No. 307-KG14-4737*. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.08.2018).
73. Kryazhkova, O. (2018) Pravo byt' uslyshannym: memorandumy amici curiae v rossiyskom Konstitutsionnom Sude [The right to be heard: memorandums amici curiae in the Russian Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 5 (126). pp. 87–105.
74. Rossiyskaya gazeta. (2013) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 21, 2013, No. 10-P. *Rossiyskaya gazeta*. 25 May. (In Russian).
75. Rossiyskaya gazeta. (2014) Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 6 November 2014 No. 27-P. *Rossiyskaya gazeta*. 11 November. (In Russian).
76. Lazarev, V.V. (1976) Pravopolozhenie: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme vozdeystviya [Legal provision: the concept, origin and role in the mechanism of influence]. *Pravovedenie*. 6. pp. 3–15.

77. Dobrynin, N.M. (2013) Razmyshleniya o rossiyskom konstitutsionalizme: sovremennoe sostoyanie, konformizm ili zhe real'naya neobkhodimost' konstitutsionnoy reformy [Reflections on Russian constitutionalism: current state, conformism, or the real need for constitutional reform]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. № 12. pp. 16–23.
78. Mami, K. (2003) Pravovoe gosudarstvo: sotsial'nyy ideal i real'nost' [Legal state: social ideal and reality]. *Zakonodatel'stvo*. 2. pp. 67–70.
79. Matsumoto, D. (2002) *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. Translated from English. St. Petersburg: Piter, pp. 10.
80. Rossiyskaya gazeta. (2011) Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved by the President of the Russian Federation on April 28, 2011. *Rossiyskaya gazeta*. 14 July. (In Russian).
81. Russian Federation. (2011) O monitoringe pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta RF ot 20 maya 2011 g. № 657 [On the monitoring of law enforcement in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of May 20, 2011, No. 657]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2011. № 21. St. 2930.
82. Russian Federation. (2017) O monitoringe i analize rezul'tatov rassmotreniya obrashcheniy grazhdan i organizatsiy: Ukaz Prezidenta RF ot 17 apr. 2017 g. № 171 [On monitoring and analyzing the results of the consideration of appeals of citizens and organizations: Presidential Decree of 17 April 2017 No. 171]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 17. Art. 2545.
83. Russian Federation. (2006) O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii [On the procedure for consideration of appeals of citizens of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 19. Art. 2060.
84. Konsul'tantPlyus. (2016) In 2017, in order to ensure the implementation of Presidential Decree No. 657 of May 20, 2011, "On Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation", the federal executive authorities and state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, monitored law enforcement in the Russian Federation for 2017. The plan of the monitoring was approved by Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2016, No. 1751-p. [Online] Available from: <http://base.consultant.ru/>. (Accessed: 20.12.2018).
85. Avak'yan, S.A. (2018) Interv'yū [Interview]. *Advokatskaya gazeta*. December.
86. Salikov, M.S. (2018) [The role of the Constitutional Court of Russia in determining the limits of human rights restrictions]. *Ural'skiy Forum konstitutsionalistov* [Ural Forum of Constitutionalists]. Ekaterinburg. 2–7 oktyabrya 2017. Vol. 3. Yekaterinburg: Ural State Law University. (In Russian).
87. Libanova, S.E. (2010) *Konstitutsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti advokatury v obespechenii prav i svobod cheloveka v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal bases of the activities of the bar in ensuring the rights and freedoms of the person in the Russian Federation]. Kurgan: Kurgan State University.

Received: 31 January 2019